

Григорий Померанц

Перекличка созерцания и творчества

Томас Мертон писал, что научить созерцанию так же невозможно, как научить человека быть ангелом. По-видимому, созерцанием он называл нераздельность человеческого сердца с сердцем бытия, с Богом. Для этого действительно очень многое нужно. Но видеть дерево и быть счастливым сравнительно просто, настолько просто, что князь Мышкин даже не предполагал возможность другого. И хотя это не для каждого просто, но в иные моменты действительно просто. Упадет луч солнца даже не на дерево, а на тюремные нары, – и вдруг сердце откликнется. Или глаза, в которых раскрылось сердце, встретились с такими же полными сердцем глазами, живыми или нарисованными на доске, как в рублевском Спасе. Сперва смотришь – икона. Люди глядят и проходят. А ты сидишь и вдруг чувствуешь в глазах Спаса огонь, с которым Рублев писал икону, и длишь эту перекличку полчаса, час, а сердце все раскрывается, раскрывается, и огонь сливается с огнем. Так можно вглядываться и в икону, созданную не человеческой рукой, в иконную красоту трех бухт – Коктебельской, Мертвой и Тихой – сидя на Волошинской скамье. Или просто глядя на высокие деревья, о которых писал Тагор: «Тише, сердце! Эти большие деревья – молитвы».

Созерцать может и слепой; об этом писал Лиссеран, ослепший в детстве, и находил в созерцании внутреннего света силу, покорявшую зрячих. В оккупированной Франции он создал тайную организацию, и когда ее раскрыли, гестаповцам не пришло в голову, что руководитель – слепой; били других, они выдержали. Вместе со всеми Лиссеран попал в лагерь, и там его часто приглашали в соседние бараки для психологической помощи зрячим, пришедшим в отчаянье.

В небольших группах людей, захваченных разговором, иногда один или двое созерцают дух диалога, парящий над отдельными репликами. Чаще всего это бывает, если есть ведущий, тамада, который не боится первым раскрыться духу целого, и если двое–трое подхватывают, то раскрываются и другие, которые сами бы не разгорелись, как каменный уголь без растопки. И когда такой разговор длится час-полтора, вы прикасаетесь к глубине, полной тишины и покоя.

Созерцать – значит не просто глядеть на дерево, на икону, на мужчину, женщину или ребенка. Это значит одновременно вглядываться внутрь и наружу. Одно из Евангелий сохранило слова: царство Божие внутри нас и вне нас. Князь Мышкин созерцает действительность сквозь царство Божие внутри своего сердца и видит царство Божие в дереве, в Настасье Филипповне, в Аглае. Только дерево его не подводит, не дает волю демоническим страстям, а собеседницы поворачиваются к нему то ангельским, то демонически ликом, и сводят его с ума. «Дьявол с Богом сражается, и поле битвы – человеческое сердце», – писал Достоевский, и в другом месте, устами Мити Карамазова: «Широк, слишком широк человек; я бы сузил». Вступая на это поле битвы, созерцатель, открытый тишине, открытый голосу тишины и не защищенный от криков, не притупивший слух в грохоте, кажется болезненно ранимым и действительно очень раним. Он истощает свои силы и может совсем погибнуть, если порою не уходит в отрешенность, в тишину, из которой чужие страсти его вырывают.

Этот круговорот истощения и восполнения нарисован в Троице Рублева. Ангел, сидящий одесную отрешенного света (для зрителя левый), готов броситься к людям, одержимым бесами страстей, изгонять бесов и исцелять одержимых. Истощение его остается вне поля иконы, но правый ангел (правый для нас) уже истощен, уже почти умерщвлен и приникает к среднему, оставшемуся в отрешенном покое, чтобы набраться сил. Можно

видеть в этом три состояния одного человека (все три ангела похожи друг на друга чертами ликов и различаются только состояниями, в которых находятся, и окраской одежд: слева от зрителя – в теплых тонах, справа – в холодных).

Троица Рублева – не только символ триединства Бога, но и образ круговорота состояний, из которых складывается жизнь созерцателя. Этот круговорот не зависит от подробностей догматики, и скульптура Трикайи из древней японской столицы (VIII в.) поразительно напомнила мне Троицу Рублева. В психологическом плане они близки. Недаром Томас Мертон, после бесед с Д.Т.Судзуки, писал о своеобразной близости католического монаха и дзэнского старца «в противоположность нашим соотечественникам, ведущим агрессивно несозерцательный образ жизни».

Наша цивилизация так закружилась в вихре научных открытий, соблазнов и взрывов, что центробежные силы грозят разорвать ее на части. Только пауза созерцания позволяет сознавать опасность и удерживать в вертикальном состоянии ось волчка, которая все больше и больше скашивается к плоскости. Наступило время учить первым шагам созерцания, первым тактам ритма в чередовании творчества с созерцанием, учить начиная со школы, постепенно создавая навыки восстановления контакта с собственной глубиной – вплоть до того уровня, где сердце человека сливается с сердцем вселенной и любовь стирает следы столкновений и ссор.

Это кое-где делается. Меня захватила книжка, выпущенная студией «Солнечный сад». «Опыт педагогики творчества. Калининград, издательство университета, 2005, 87 страниц». Тираж – 200 экз. – так мал, что стоит привести несколько строчек. В предисловии Ш.А.Амонашвили, академик РАН пишет:

«Авторы книги, И.А.Киршин и Е.И.Мышкин, нашли друг друга в творческом единении и увлекли за собой студентов Калининградского

государственного университета и Института русистики (г. Лодзь, Польша). Так возникли удивительные театральные постановки. Но в самих ли постановках дело? Молодые люди, объединившись вокруг театрального проекта, по сути своей занялись не только постановкой спектакля, но прежде всего, поисками смысла жизни через творчество. И как они это делали?

Авторы расскажут вам о коллективно выработанных принципах и формах творческой деятельности («свечки», капустники, ролевые монологи, Горения и т.д.). Но вся эта разнообразная творческая жизнь строилась на началах высшего духовного понимания сердца...» (с.3).

Как это выходит яснее из раздела «Горения»: «темой может быть что угодно: книга, историческая личность, любое явление мировой культуры. Задача – не сообщить информацию, а передать свои чувства. Это не простая задача. Она требует общих условий. Прежде всего, участников не должно быть много (лучше 5–10 человек). Во-вторых, у каждого должно быть желание участвовать в Горении. Для этого необходим сердечный, духовный контакт между участниками Горения. Поэтому перед Горением важно подготовить свое Сердце. От этого зависит все...

Самое важное для «горящего» – сосредоточиться на своем Сердце, на искренних ощущениях. Тогда отбор фактов будет точен. «Горящий» не захлебнется в море второстепенной информации, если будет ведом Сердцем. Оно подскажет, что надо выделить, что – отодвинуть.

Подготовка воспринимающих заключается в том, чтобы отбросить все посторонние дела и мысли и предельно сосредоточиться на сопереживании «горящему». В таком открытии Сердца – лучшая помощь. Нужно уметь настроить сердце заранее...» (с. 22-23).

Я впервые столкнулся с чем-то вроде горения на конференциях в Швейцарии, в «час общин», когда ведущему, Хайнцу Кригу, удавалось хорошо провести занятие, и попытался создать что-то подобное в Москве:

выбирал такие темы, чтобы затронуть более глубокие слои сознания и совести, и сердца раскрывались. Но ведущим непременно должен был быть я или З.А.Миркина. Слушатели решались на развернутые выступления, но роль ведущего их пугала. Зато она совершенно неожиданно удалась Ане Островской, одной из моих слушательниц, превратившей во что-то вроде горений семейные памятные дни, сперва поминки, а потом и дни своего рождения. Мы с Зинаидой Александровной поддерживали импровизацию, и разгорались все. Видимо, во всем мире сложилась потребность выйти из замкнутости эго, взглянуть вглубь себя и вглубь своего собеседника, перейти к настоящему общению, открытого сердца с открытым сердцем. И в начинаниях «Солнечного сада» я увидел организованное театральное-педагогическое движение, к которому мне, как одиночке, хочется примкнуть.

Импульсы, ведущие к разворачиванию движения, – во всей постхристианской цивилизации, в потере контакта со своей собственной глубиной, в чувстве затерянности и заброшенности, в одиночестве щепки, попавшей в пороги истории. Попытку создать разговор, в котором раскрываются души, можно найти еще в романтике XIX в., в России – у Евгения Боратынского. Наверное, так было и в других странах. И сегодня «театрально-педагогический проект» сразу связал Калининград и Лодзь. Хочется закончить словами из приглашения ребят 2–3 классов в школу искусств «Солнечный сад»: «Зачем сочинять? Чтобы найти слова, которые светятся. Что это за слова такие? Это слова, которые приносят радость и счастье людям. Как их найти? Это тайна, давай искать ее вместе».